

дерево и послушать этих птиц приходят послы иноземных царей и королей, причем за это подносят Михаилу богатые дары. Попытку этих царей и королей приобрести это золотое дерево за города и «имение много» Михаил отклоняет: этим, де, деревом он и славен и всем обилен. По смерти Михаила воцаряется сын его Лавтасар; он — пьяница, который не только пропивает все имущество отца, но и церковные сосуды, обирает все церкви, монастыри и бояр, и все прокучивает; когда уже больше ничего не оставалось, пропил он и золотое древо, от которого осталась одна только ветвь с сидящим на ней золотым попугаем. Однажды, пируя со своими боярами, царь услышал слова попугая: «Сей ночью царю Лавтасару умереть напрасной смертью!» Взглянув на потолок палаты, царь видит пишущие руки, а лиц не видно; пораженный видением, царь считает это навождением; по совету бояр посылает за пророком Даниилом, который живет в шестидесяти поприщах от Царьграда в монастыре. Даниил разъясняет ему видение и подтверждает предсказание попугая. Разгневанный царь сажает пророка в темницу, а себя окружает стражей, удаляется во внутренние покои, поручив охранять его лично Дарию Мидянину: ему он приказывает никого к нему не пускать, а пронзить копьем всякого, кто будет называться его именем. Под утро царь, выйдя незамеченный Дарием из спальни и проверив стражу, возвращается к себе, но Дарий, несмотря на то, что царь называет себя по имени, согласно его же приказу, пронзает его копьем.

Все остальные тексты Повести в отношении содержания ничего лишнего не дают сравнительно со старейшим, так что содержание ее, представляемое сп. Унд., можно считать установленным. Но в деталях тексты XVIII в., именно, Тихонравовский и ОЛДП, представляют ряд своеобразных чтений, которые представляют частью только обычные для списков этого времени изменения «словесного» (стилистического) характера, подтверждая тем не раз уже отмеченное мною свободное отношение к тексту (см., напр., сказанное о текстах XVIII в. в «Сказаниях об Индейском царстве», Изв. РЯС, III, 375—6), частью же такие чтения, преимущественно мелкие дополнения, которые могут счесть принадлежавшими первоначальному тексту Повести, т. е. указывать, что и старейший список кое в чем уже отступил от этого первоначального текста, преимущественно, идя по пути сокращения текста с помощью пропусков; иначе сказать: и он уже не представляет в чистом виде первоначальный текст (в смысле изложения), и для более полного представления о Повести должны быть привлечены варианты и списков XVIII в., сохранившие иногда более первоначальные чтения. В этом последнем отношении значительную ценность и представляет